

УКАЗ 17 АПРЕЛЯ 1905 Г. «ОБ УКРЕПЛЕНИИ НАЧАЛ ВЕРОТЕРПИМОСТИ» В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А.А.Сафонов

Проблема реформирования государственно-церковных отношений на основе принципа свободы совести, активно обсуждавшаяся в конце XIX - начале XX в. российской общественностью, привлекала пристальное внимание правящей политической элиты. Так, председатель Комитета министров Н.Х. Бунге еще в 1890-х гг. ставил на первый план «вопрос о введении широкой веротерпимости».[7, с.27]. Министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский на аудиенции у императора 25 августа 1904 г. говорил о веротерпимости и свободе совести как о важных составляющих своей программы реформ и получил поддержку Николая II, сказавшего, что «это всегда были его воззрения».[4, с.242].

Постановка вопроса о расширении вероисповедной свободы была, между тем, для власти делом непростым, поскольку на повестке дня закономерно возникал вопрос об изменении правового статуса Русской православной церкви (далее – РПЦ), ставшей за два века синодального строя важной частью системы государственного управления. Изменение принципов управления РПЦ и введение свободы совести могло повлечь за собой «цепную реакцию» реформирования других звеньев политической системы государства. Все это представляло опасность для самодержавия.[15, с.99, 131].

Тем не менее, власть признавала актуальность религиозного вопроса и необходимость улучшения религиозного быта своих подданных. В Манифесте 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» содержалось обещание «укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Империи Российской».[10, т.23, № 22581]. Речь в царском Манифесте шла не о выработке новых принципов религиозной политики, а о более точном и последовательном применении старых. Акт был направлен против нарушений принципов веротерпимости в правоприменительной практике властей.

Следует заметить, что в проекте Манифеста 26 февраля 1903 г., составленном близким к Николаю II князем В.П. Мещерским, первоначально планировалось положение о разработке условий для расширения свободы совести.[7, с.134]. Но эта статья была отредактирована, упоминание о свободе совести из нее убрали, ограничившись призывом сохранять устои «терпимости в законах веры».[3, с.445].

Идеи Манифеста 1903 г. были развиты в указе Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», подписанном 12 декабря 1904 г. В п.6 Указа император повелевал «для закрепления выраженного... в Манифесте 26-го февраля 1903 г. неуклонного душевного желания охранять... терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и... принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения».[10, т.24, № 25496].

Характеризуя обсуждение проекта данного Указа в Царскосельском совещании, присутствовавший на нем С.Ю. Витте отмечал, что сановники говорили о необходимости «большой свободы вероисповеданий». [2, т.1, кн. 2, с.661]. Новелла Указа 12 декабря 1904 г. состояла в высказанном властью намерении изменить правовой статус раскольников, о которых Манифест 26 февраля 1903 г. даже не упоминал, а разъяснительные к нему материалы всячески подчеркивали, что инославие и иноверие никакого отношения к старому обряду не имеют. В условиях переживаемого страной внутривластного кризиса власти решились поддержать старообрядцев: им импонировали их монархические симпатии, консерватизм и дисциплинированность. К примеру, участвовавший в составлении Указа 12 декабря С.Ю. Витте отзывался о старообрядцах как о «наиболее преданной русским началам и православию в правильном смысле слова части русского народа». [2, т.2, с.123].

Реализация указа 12 декабря 1904 г. была возложена на Комитет министров. По повелению императора, к участию в работе Комитета были привлечены также митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), сенатор Н.С. Таганцев, а также члены Государственного совета А.А. Сабуров и А.Н. Куломзин.

По воспоминаниям Витте, принцип веротерпимости встречал сочувствие большей части членов Комитета министров, но в особенности у министра юстиции Н.В. Муравьева, управляющего Министерством финансов В.Н. Коковцова, министра земледелия А.С. Ермолова и члена Государственного совета, вскоре возглавившего Министерство внутренних дел, А.Г. Булыгина.[1]. Позицию самого С.Ю. Витте в отношении веротерпимости трудно оценить однозначно. Позднее он вспоминал: «Я употреблял все усилия, дабы реформы, намеченные в указе, были проведены возможно полнее и спешно. По каждому вопросу давал инициативу... Но по обыкновению сначала встретил апатию, затем интриги, а в заключение недоверие государя ко всем реформам, намеченным указом. В результате практически было кое-что сделано по вопросу о веротерпимости..., о старообрядцах и сектантах» [2, т.2, с.116]. А.А. Дорская спра-

ведливо отмечает, что как мудрый политик Витте понимал значимость вопроса о свободе совести, однако изменять систему господствующего положения РПЦ не собирался. [5, с.43].

Обсуждением вопросов, вытекавших из п.6 Указа 12 декабря, Комитет министров занимался на протяжении января – марта 1905 г. Им было посвящено шесть заседаний: 25 января, 1, 8, 15 и 22 февраля и 1 марта. С.Ю. Витте вспоминал: «Сперва Комитет министров определил некоторые общие положения о веротерпимости, затем... остановился на устранении стеснений, лежащих на старообрядчестве и на неистовых сектах., затем положения, требующие большего развития, передал в совещание (совещание А.С. Игнатъева – А.С.)». [2, т.2, с.121]. Указанные вопросы явились темой первых четырех заседаний, на двух последних речь шла о положении представителей инославных и иноверных вероисповеданий. [8, с.15].

Нельзя упускать из виду того обстоятельства, что работа Комитета министров в области расширения веротерпимости совпала с началом Первой русской революции, которая привела к радикализации религиозных реформ, к переходу от заявления о необходимости сохранять устои политики веротерпимости (Манифест от 26 февраля 1903 г. и Указ от 12 декабря 1904 г.) к провозглашению свободы совести (Манифест 17 октября 1905 г.).

Работа Комитета министров протекала в условиях широкой гласности. Ход обсуждения вопросов о веротерпимости, его итоги и мотивировки выработанных решений были изложены в журналах Комитета министров, публиковавшихся для всеобщего сведения и утверждавшихся императором.

В числе причин, побудивших государство обратиться к реформированию вероисповедного законодательства, указывалась его «неполнота и отсталость от современной жизни». Отмечалось, что конфессии жили в Российской империи по законам, «относящимся большей частью к XVIII и началу XIX столетия». Несовершенство законодательства порождало произвол администрации, устанавливавшей правила, которые «противоречили началам веротерпимости». За выявлением недостатков последовало первое решение Комитета министров, который в заседании 25 января 1905 г. объявил утратившими силу административные распоряжения, стеснявшие свободу вероисповедания. [8, с.17].

Была облегчена участь значительного числа религиозных диссидентов, которые отбывали наказание за совершение религиозного преступления. Так, уже в феврале – марте 1905 г. Министерство внутренних дел приняло решение о прекращении полицейского преследования в отношении 562 лиц, наказанных по религиозным основаниям.

Анализируя журнал Комитета министров, положенный в основу указа о веротерпимости 17 апреля 1905 г., представители либерального правоведения

резюмировали, что последний «с удивительной простотой и деловитостью констатирует самые невозможные фантастические факты из русской религиозной практики», признает, что «что никакой веротерпимости на деле у нас не было, а те весьма скромные уступки иноверцам и инославным христианам, которые были сделаны законом, на самом деле были уничтожены целиком при помощи всемогущего административного усмотрения». [12, с.396-397, 404-405].

В период разработки Указа «Об укреплении начал веротерпимости» была принята во внимание позиция государственной церкви. Ее выразителями явились митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний, а также товарищ обер-прокурора Синода В.К. Саблер. Обер-прокурор К.П. Победоносцев в работе Комитета не участвовал. Как отмечал С.Ю. Витте, «К.П. Победоносцев, пришедши раз в заседание и усмотревши, что митрополит Антоний выражает некоторые мнения, идущие вразрез с идеей о полицейской православной церкви, которую он, Победоносцев, двадцать пять лет культивировал в качестве обер-прокурора Святейшего Синода, он совсем перестал ходить в Комитет и начал посылать своего товарища Саблера. Несмотря на то, что митрополит Антоний был крайне умерен в своих взглядах, а Саблер употреблял все усилия, чтобы делать препоны, Победоносцев все-таки остался ими недоволен и с ними разошелся». [2, т.2, с.120-121].

Оценка К.П. Победоносцевым деятельности Комитета министров по разработке указа о веротерпимости была всецело негативной: «Заседания Комитета министров суть пытка... Слышны только безумные речи людей, не желающих знать ни истории, ни народа..., провозглашающих только какую-то голую свободу, стремящихся в несколько часов разрушить вековые учреждения, установленные для ограждения ценности государства и внутреннего порядка». [13, с.185]. В изданной ранее статье «Свобода совести и терпимость» Победоносцев утверждал, что «безусловная свобода совести обращается на деле в свободу насилия и преследования и служит не к водворению мира, но к распространению злобы и ненависти между гражданами». [9, с.177].

Однако увещания обер-прокурора Синода уже не оказывали определяющего влияния на императора. 15 апреля 1905 г. управляющий делами Комитета министров Э.Ю. Нольде представил Николаю II проект указа Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости», а 17 апреля 1905 г. указ был подписан.

Указ «Об укреплении начал веротерпимости» содержал семнадцать пунктов, наиболее важными из которых являлись первые три, принципиально менявшие отношение государства к инославным и иноверным исповеданиям. В них, в частности, провозглашалось: свобода выбора веры в рамках христианских исповеданий (п.1); право супругов, переходящих из одного христианского

исповедания в другое, определять религиозную принадлежность своих детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста (п.2); право перехода православных в нехристианскую веру, если до присоединения к православию они исповедовали ее сами или их предки (п.3).

Указ устанавливал, что христиане всех вероисповеданий отныне могут брать на воспитание подкидышей и крестить их в свою веру (п.4); четко разделял вероучения, относимые ранее к «расколу», на старообрядческие согласия, сектантство и изуверные (за принадлежность к последним сохранялась уголовная ответственность) (п.5); распространял на всех сектантов, исключая «изуверных», свободу вероисповедания в объеме, установленном для старообрядцев (п.6); официально отменял наименование «раскольник» (заменялось на «старообрядец») (п.7); разрешал старообрядцам и сектантам постройку культовых зданий на тех же основаниях, что и инославным (п.8); лидерам их общин присваивал наименования «наставник» и «настоятель» и предоставлял определенные льготы (п.9); разрешал им отправлять духовные требы, а также свидетельствовать духовные завещания на правах, предоставленных всему духовенству (п.10); уравнивал старообрядцев и сектантов в правах с инославными при заключении ими смешанных браков с православными (п.11); предписывал распечатать все запечатанные церкви и молитвенные дома, вводил общие правила их открытия (п.12); устанавливал преподавание инославным христианам в учебных заведениях Закона Божия духовными лицами их исповеданий и на «природном языке» учащихся (п.14); признавал необходимость пересмотра правовых актов о религиозном быте мусульман (п.15) и ламаитов (буддистов), запрещал именовать последних идолопоклонниками и язычниками (п.16); предлагал привести в действие утвержденные 17 апреля 1905 г. Комитетом министров положения о порядке осуществления п.6 Указа 12 декабря 1904 г. (п.17). [10, т.25, № 26125].

Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» породил разноречивые отклики. Так, газета «Право», являвшаяся рупором либеральной части российского общества, усматривала в дарованной правительством свободе «далеко не полную веротерпимость, далеко не полную свободу совести», которой пользовались развитые европейские страны и которой «так страстно добивались лучшие люди русского общества и народа в течение долгих-долгих лет». Тем не менее, Указ признавался «первой серьезной уступкой в деле свободы духа» и «первым серьезным уроном политики насилия над совестью человека и грубого вмешательства в интимную область веры». Он официально провозглашал «свободу религиозной мысли, хотя и с крупными, существенными урезками». [11].

М.А. Рейснер оценивал усилия правительства в реформировании вероисповедного законодательства как «новую попытку подновить старое вино в старых мехах», оставшись «на почве русской религиозной полиции». «Русская веротерпимость даже после указа 17 апреля далеко еще не является свободой совести. Этот указ... не предоставляет каждому возможность верить в то, во что он хочет... Закон 17 апреля есть... только норма, расширяющая привилегии инославных и частью иноверных исповеданий», – утверждал правовед. [12, с.404-405, 416].

Не менее критически на указ «Об укреплении начал веротерпимости» отзывались деятели правоконсервативной ориентации. Они считали его ударом по Православной церкви. Усматривая главное значение указа о веротерпимости в предоставлении иноверцам свободы пропаганды своего иноверия, они предсказывали массовые уходы из РПЦ. Так, редактор «Московских ведомостей» В.А. Грингмут предрекал: «Не пройдет и четверти века, как вся Западная Россия будет окатоличена и ополячена, а весь Юг России сделается не только протестантским, но и прямо германским, а восток подвергнется небывалому возрождению мусульманства и буддизма. Заварится страшная междоусобица, с которой пенки снимать будут жида и атеисты». [14, л.1-2].

Противниками Указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» являлась также подавляющая часть епархиальных архиереев, отзывы которых по широкому комплексу церковных вопросов поступали в Синод с конца октября 1905 г. до весны 1906 г. Архиереи утверждали, что указ фактически лишает РПЦ положения государственной церкви и ставит ее в один ряд с существующими в империи вероисповеданиями. [6, с.135-136, 145, 148, 159]. Выражением общего мнения православных иерархов стало заявление епископа Полтавского Иоанна, что указ 17 апреля 1905 г. даровал «полную самостоятельность для всех общин инославных и иноверцев, предоставив им устраивать свою внутреннюю жизнь с наибольшим для себя удобством. Православная церковь в сем отношении теперь находится в менее благоприятных условиях, т.к. она лишена... покровительства от государства и в то же время не получила от него для себя полной свободы». [6, с.123, 125, 128].

Анализ содержания Указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» показывает, что в Российской империи была установлена ограниченная свобода вероисповеданий, которую можно определить как свободу выбора религии и свободу отправления религиозных обрядов. Весомым результатом принятия указа следует признать юридическое закрепление права личности на вероисповедные переходы в рамках христианских исповеданий, а также допущение отпадения от православия лиц, числящихся в нем формально, а на деле исповедовавших свою старую религию, в одну из нехристианских вер.

Положительно следует оценить распространение принципов веротерпимости на старообрядцев и сектантов, исключая последователей изуверных сект, закрепление за старообрядцами ряда привилегий, относимых ранее к признанным инославным и иноверным религиозным исповеданиям. Указ 17 апреля 1905 г. существенно укрепил правовой статус старообрядческих и сектантских общин, переведя их в категорию признанных терпимых религиозных объединений. В целом, принятые в отношении них правовые меры способствовали установлению согласия в русском обществе, воспитанном в убеждении о вреде старообрядческого и сектантского раскола и необходимости борьбы с ним.

В числе позитивных результатов Указа необходимо отметить расширение прав инославных конфессий, признание важности улучшения правового положения мусульман и буддистов (ламаитов). Все эти меры имели целью ликвидировать правовую неравноправность религиозных обществ Российской империи.

Вместе с тем Указ «Об укреплении начал веротерпимости» полностью не разрешал насущных вопросов религиозной политики империи, как и всего спектра проблем, связанных с установлением вероисповедной свободы. Он не затрагивал правового положения иудаизма, не допускал невероисповедного состояния, без которого была невозможна полная свобода совести. Указ не устанавливал паритета между признанными государством вероисповеданиями и вероучениями, сохраняя приоритетные позиции РПЦ по большинству направлений религиозной жизни.

Важное значение для развития правосознания российского населения имела связанная с разработкой и принятием Указа «Об укреплении начал веротерпимости» религиозная амнистия – облегчение участи лиц, отбывавших наказания по религиозным преступлениям: освобождение их из тюрем, снижение сроков наказаний и др. Большой резонанс в общественных кругах вызвала также либерализация правоприменительной практики и отмена целого ряда административных распоряжений, стеснявших свободу вероисповедания.

Литература:

1. Биржевые ведомости. – 1908. – 26 июля.
2. *Витте, С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: в 2 т. / С.Ю. Витте. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2003. – Т. 1-2.
3. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / редкол.: Б.В. Ананьич (отв. ред.), Р.Ш. Ганелин, В.М. Панеях. – СПб.: Наука, 1996. – 801 с.
4. Дневник кн. Е.А. Святополк-Мирской за 1904-1905 гг. // Исторические записки. – М., 1965. – Т.77.
5. *Дорская А.А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века / А.А. Дорская. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 143 с.
6. За первый год вероисповедной свободы в России (Бесплатное приложение к журналу «Миссионерское обозрение» за 1906 г.). – СПб.: Колокол, 1907. – 251 с.

7. Кризис самодержавия в России. 1895-1917. – Л.: Наука, 1984. – 664 с.
8. О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 г. – М.: Тип. тов-ва И.Д. Сыгина, 1905. – 88 с.
9. *Победоносцев К.П.* Сочинения / К.П. Победоносцев. – СПб.: Наука, 1996. – 510 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. – Т. 1-23. – СПб., 1881-1913.
11. Право. – 1905. – 1 мая. – Стб. 1354-1357.
12. *Рейснер М.А.* Государство и верующая личность / М.А. Рейснер. – СПб., 1905. – 423 с.
13. Религии мира: история и современность. Ежегодник. – М., 1983.
14. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1574. – Оп. 2. – Д. 152.
15. *Фирсов, С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) / С.Л. Фирсов. – М., 2002. – 625 с.